

М. А. Тростина

**ЗАСТОЛЬНЫЕ ПРИГОВОРКИ В УСТНОМ РЕПЕРТУАРЕ РУССКОГО НАРОДА
(ПО МАТЕРИАЛАМ ФОЛЬКЛОРНЫХ ЭКСПЕДИЦИЙ
МОРДОВСКОГО ГОСУНИВЕРСИТЕТА 2016–2019 ГГ.)**

*Национальный исследовательский Мордовский государственный
университет им. Н. П. Огарева, г. Саранск, Россия*

Аннотация. В статье рассматривается паремийный жанр современного фольклора – застольные приговорки. Исследование проведено на основе анализа фольклорного материала, собранного преподавателями и студентами Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева в ходе полевых экспедиций на территории Республики Мордовия. Описываются жанровые признаки застольных изречений, определяется их роль в организации коллективной трапезы, дается классификация по тематическому принципу. Установлено, что в организованном застолье приговорки, являясь речевым оформлением процесса винопития, упорядочивают его.

Ключевые слова: *застольная приговорка, паремийный жанр, традиционный фольклор, текст, духовная культура.*

М. А. Trostina

**TABLE SAYINGS IN VERBAL FOLKLORE OF RUSSIAN PEOPLE
(ON THE MATERIALS OF FOLKLORE EXPEDITIONS
OF OGAREV MORDOVIA STATE UNIVERSITY IN 2016–2019)**

Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia

Abstract. The article considers the paremean genre of modern folklore – table sayings. The study was conducted on the basis of the analysis of the folklore material collected by the lecturers and students of Ogarev Mordovia State University during the field expeditions in the territory of the Republic of Mordovia. The paper describes the genre features of table sayings, determines their role in arranging a collective meal, provides the classification according to a thematic principle. The author has established that table sayings, verbally expressing the drinking process, regulate it.

Keywords: *table sayings, paremean genre, traditional folklore, text, spiritual culture.*

Актуальность исследуемой проблемы. Современный этап развития общества характеризуется как появлением новых исторически обусловленных фольклорных явлений, так и эволюцией видов и форм традиционного фольклора, активно взаимодействующего с другими видами народной духовной культуры. Выступая важнейшим хранилищем народной памяти, устное народное творчество выполняет доминантную социокультурную функцию, заключающуюся в передаче знаний, опыта и мудрости предшествующих поколений последующим. В связи с продолжающимся непрерывным процессом трансформации и обновления традиционных культурных практик актуальным выступает обращение к проблемам сохранения народных традиций, знание которых дает человеку возможность «лучше понять себя, почувствовать себя частью того общества, в котором живешь» [2].

Научная новизна данного исследования состоит в том, что были систематизированы и проанализированы застольные приговорки русского народа, собранные на территории Республики Мордовия.

Цель нашей статьи заключается в осмыслении застольных приговорок устного репертуара русского народа на конкретном полевом материале. Цель определила следующие задачи: уточнить терминологическую дефиницию «застольная приговорка»; исследовать корпус застольных приговорок, собранных в фольклорных экспедициях преподавателями и студентами Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева в 2016–2019 гг.; изучить специфику застольной приговорки как паремийного жанра фольклора.

Материал и методика исследований. Материалом для изучения послужили тексты, зафиксированные в ходе полевых экспедиций 2016–2019 гг. студентами Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева. В ходе исследования были использованы сравнительно-сопоставительный, системный и типологический методы.

Результаты исследований и их обсуждение. Из всех ритуализованных форм человеческой деятельности застолье является одним из наиболее устойчивых, цементирующих структуру обрядов и праздников и сохранивших в себе как древние, так и активно бытующие в современную эпоху элементы. Каждое значительное – как радостное, так и печальное – событие в жизни человека сопровождается трапезой, когда само принятие пищи воспринимается не столько как физиологический акт, связанный с удовлетворением первейшей потребности в пище, но в первую очередь как акт культурный, сакральный, перехода в новое качество жизни или подведения ее итогов. Именно за столом собираются люди, образующие единую общность, и именно здесь фиксируется факт завершения любого события, начиная от календарных, когда застолье проводится в строго определенное время, и завершая семейно-бытовыми праздниками, утверждающими и демонстрирующими новый статус виновника торжества. Праздничный стол позволяет зафиксировать в сознании определенной семьи или коллектива единомышленников новый социальный статус человека, получившего правительственную награду или воинское звание, защитившего диплом или диссертацию, опубликовавшего научный труд и т. д.

Застолье «по случаю» традиционно включает в себя винопитие, которое представляет собой неотъемлемую часть русского быта и занимает особое место в национальной картине мира. Это старинный и распространенный обычай: *Обычай дорогой, что выпить по другой* [7, т. I, с. 475], *Хошь не хошь, а выпить надо* [7, т. IV, с. 514], *Пить – горе, а не пить – вдвое* [7, т. I, с. 230], *Без поливки и капуста сохнет* [7, т. III, с. 214].

Культура винопития складывалась на Руси на протяжении долгих веков. Запрет на употребление алкоголя едва ли не стал основополагающим для принятия князем Владимиром окончательного решения в пользу христианской веры: *Руси есть веселие пить, не можем без того быть* [14, с. 58]. Русские былины и предания, исторические песни и легенды доносят до нас отголоски хмельных пиров, шумных застолий, безудержного веселья:

Тут повары были догадливы,
Понесли ества сахарные и питья медвяные,
А питья все заморские,
Стали тут пить-есть, прохладатися [4, с. 180].

Народные эпические песни описывают традиционный ритуал угощения князем гостей, свидетельствующий о его хлебосольстве и добром расположении:

А Владимир князь стольне-киевской,
Он скорешенько брал чару во белы ручки,
Наливал он чару зелена вина,

Не малую стопу – полтора ведра.
Разводил ён медами все стоялыма,
Подносил ён к Василью Казамирову [3, с. 355].

Отказ от ковша с вином воспринимался как нарушение порядка, вызов хозяину пира:

А не сяду я с тобой да за единый стол,
Не буду есть твоих ествухек сахарных,
Не буду пить твоих питьецев медвяных,
Не буду носить твои одежи драгоценные... [3, с. 133].

В ряде былин именно с такого отказа начинается развитие действия.

Вино как обобщающее название хмельных напитков (за исключением пива) было обязательным угощением участников родильных, свадебных и даже похоронных (несмотря на церковный запрет) обрядов: *Быть на свадьбе, да не быть пьяну – грешно* [6, с. 227], *Тотчас нашлись добрые люди: и могилу вырыли, и гроб смастерили; старик послал невестку купить вина, и кушаньев, и закусок разных – всего, как должно быть на поминках... Вот пришли в избу, сели за стол, и откуда что явилось – и вино-то, и кушанья, и закуски разные – всего вдоволь!* [13, т. 2, с. 245].

Антропоморфный герой одноименной былины «Хмель» утрированно обобщает в своей речи отношение к алкоголю представителей разных сословий:

Нет меня, хмелюшки, лучше,
Нет меня, хмеля, веселее!
Без хмелюшки пивушка не варют,
Без ярого свадьбы не играют. <...>
Сам государь про хмель знает,
Попы, архиереи благословляют [11, с. 265].

Застолье как центральный этап всякого празднования имело продолжительный характер (*Царь Долмат для такой радости велел сотворить пир, и они сели за столы дубовые, за скатерти браные; пили, ели, забавлялися и веселилися ровно два дни* [13, т. 1, с. 336], *Добрая свадьба неделю празднуется попойкою* [7, т. IV, с. 145], *Пировали-столовали тут челы суточки, / Кабы вси-то тут ягодницей наедалисе* [13, с. 556]), а винопитие на нем способствовало раскрепощению, поддержанию разговора (*В полтыяна бояря напивалиса; / Промеж себя бояря похвалялися: / Сильн-а-т хвалитя силою, / Богатый хвалитя богатством* [3, с. 407]), выступало средством урегулирования конфликтов и разногласий (*Тут кормили его ествухой сахарною, / А й поили питьецем медвяным. / Они тут с Ильей и помирилися* [3, с. 165]).

Традиционное русское гостеприимство обязывало хозяина принять гостя со всеми почестями, создать за столом приятную дружескую атмосферу. Для этого нужно было прежде всего приглашенных «напоить-накормить», а потом и «расспрашивать». «Предложение выпить расценивается как проявление уважения», – указывает Т. С. Глушкова [5, с. 152]. Созданию такой атмосферы, в которой употребление спиртного воспринималось как неизменная часть ритуала, способствовали застольные приговорки – краткие устойчивые, часто юмористические обращения к присутствующим, содержащие в себе призыв к очередному виновозлиянию.

В российской фольклористике нет единого взгляда на жанровую природу приговорки. В. И. Даль определяет ее следующим образом: «Приговорка – это изречение, иногда одно слово, часто повторяемое, приговариваемое, без большого толку и значения, а по местной или личной привычке» [6, с. 427]. Авторы учебника «Русский фольклор» Т. В. Зуева и Б. П. Кирдан связывают приговорки с календарной обрядовой поэзией и определяют их как «генетически наиболее древние формы детских словесных игр», которые отличаются от закличек формой исполнения: заклички «выкрикивались хором, нарас-

пев», а приговорки «произносились индивидуально и негромко» [10, с. 342]. А. Ф. Белоусов, В. В. Головин, Е. В. Кулешов и М. Л. Лурье, подразумевая под приговорками «обращения к животным», рассматривают их в составе детского магического фольклора [1, с. 223]. К «родинной поэзии» относит «застольные приговорки» А. С. Емельянов [8, с. 10].

Актуализация интереса к речевым жанрам вызвала появление лингвистических исследований, в которых приговорки представляются как «клишированные остроты» [9, с. 603] или даже «вакхизмы» [15, с. 138].

Так или иначе, под застольными приговорками мы будем понимать устойчивые ритмизованные выражения, исполняемые в процессе организованного застолья и упорядочивающие его.

Возникшие, судя по былинам, в период ранней русской государственности, они продолжают активное бытование в современном обществе:

Ты бери-ка чару ту единой-то рукой,
Уж ты пей вино единым духом:
Выпьешь до дна – увидишь доста!
А не выпьешь до дна – не увидишь добра [3, с. 257].

Оставшиеся долгое время на периферии российской фольклористики, застольные приговорки требуют обстоятельного рассмотрения в свете усилившегося интереса к народной культуре как особому регулятору современного социума, поскольку выступают одним из ее характерных явлений, а также достоверным источником сведений о ментальности русского народа и его традициях.

Анализ собранного материала позволяет сделать вывод о сформированности застольной приговорки как паремийного жанра фольклора. Тексты приговорок отличаются краткостью, афористичностью и образностью. Их бытовое назначение – речевое оформление процесса винопития, организованного по поводу и без повода. В отличие от тостов – импровизированных развернутых речей – приговорки имеют вид устойчивого выражения.

Функция застольных приговорок – развлекательная. Благодаря им атмосфера за столом становится уютной, человек чувствует, что употребляет алкоголь не для своего удовольствия, а ради всеобщего блага: за здоровье детей, молодых, родителей, да и в общем за страну и «мир во всем мире», причем хозяин должен воздействовать на присутствующих личным примером: *Как хозяин, так и гость* (зап. от Т. Б. Рябовой, 1965 г. р.; г. Саранск, РМ), *Мы собрались здесь для того, чтобы выпить, – так выпьем же за то, что мы здесь собрались!* (зап. от Н. Е. Нехаевой, 1972 г. р.; г. Саранск, РМ) (МФА ЛФ).

Основная часть зафиксированных текстов содержит правила очередности винопития. Это может быть приглашение к принятию второй порции алкоголя: *Между первой и второй перерывчик небольшой* (зап. от А. Г. Доронькиной, 1969 г. р.; г. Саранск, РМ), *Не вовремя выпитая вторая – загубленная первая, Светит месяц под горой, не пора ли по второй?* (зап. от Н. И. Морозова, 1968 г. р.; с. Морга, Дубенский район, РМ) (МФА ЛФ). Причем в большинстве из ритуальных текстов речь идет именно о второй рюмке, что можно объяснить максимальной увлеченностью закусками именно в этот промежуток, который предлагается сократить: *Первая пролетела – вторую крылом позвала* (зап. от Н. В. Анохиной, 1951 г. р.; п. Октябрьский, Ардатовский район, РМ), *Поздно выпитая вторая – погубленная первая* (зап. от Е. В. Кимяевой, 1968 г. р.; г. Саранск, РМ), *Между первой и второй пуля не просвистит* (зап. от К. В. Свечникова, 1966 г. р.; г. Саранск, РМ) (МФА ЛФ).

Регламентируют приговорки и последующий ход застолья: *Первая колом, вторая соколом, а третья легкой пташечкой* (зап. от Н. И. Морозова, 1968 г. р.; с. Морга, Дубенский район, РМ), *Я скажу не без прикрас – выпьем и в четвертый раз!* (зап. от Н. Е. Нехаевой, 1972 г. р.; г. Саранск, РМ) (МФА ЛФ). Поскольку сценарный ход мероприятия предугадать невозможно, существуют универсальные приговорки, применяемые по принципу аналогии: *Что-то долго мы сидим, может, малость поддадим?* (зап. от Н. И. Морозова, 1968 г. р.;

с. Морга, Дубенский район, РМ), *За столом сиди не сиди, а выпить надо* (зап. от Н. И. Морозова, 1968 г. р.; с. Морга, Дубенский район, РМ), *Давайте пить, коль водка льется, а повод пить у нас найдется* (зап. от Н. Е. Нехаевой, 1972 г. р.; г. Саранск, РМ), *С утра махнул – весь день свободен* (зап. от А. А. Смагина, 1986 г. р.; г. Саранск, РМ) (МФА ЛФ).

Финальные приговорки, как правило, более лаконичны, что объяснимо как истощением поводов, так и неспособностью участников к длительным речам. Однако осознание необходимости следования ритуалу и нежелание покинуть компанию вводят в действие такие приговорки, как *на посошок, стремянная, коню в морду* и т. д., происхождение которых известно сейчас далеко не каждому любителю застольных праздников. Выпить «обязательные» рюмки предлагается и гостю, решившему покинуть застолье раньше других, и опоздавшему к столу (*штрафная*).

Отдельные приговорки приурочены к конкретным темам, то есть приглашают выпить за различные человеческие ценности: здоровье, любовь, дружбу, патриотизм и т. п. В отличие от тостов они содержат в себе только их финальную часть – призыв к действию, выраженный в категоричной форме: *За великую страну – по большому стакану!* (зап. от К. В. Свечникова, 1966 г. р.; г. Саранск, РМ), *Чтобы не болели дети, надо выпить и по третьей* (зап. от М. Б. Бадах, 1949 г. р.; п. Октябрьский, Ардатовский район, РМ), *Выпьем водочки для красивой легкой походочки* (зап. от А. Г. Доронькиной, 1969 г. р.; г. Саранск, РМ), *Да здравствует разум, да сгинет малярия!* (зап. от К. В. Свечникова, 1966 г. р.; г. Саранск, РМ), *Выпили за папу – пьем за родню* (зап. от Е. А. Чемодиной, 1970 г. р.; г. Саранск, РМ) (МФА ЛФ).

Среди приговорок есть условно обязательные (*По второй за родителей* (зап. от Н. В. Рябова, 1959 г. р.; г. Саранск, РМ), *Третий тост за любовь. Пьем левой рукой – ближе к сердцу* (зап. от В. И. Евстифеевой, 1963 г. р.; г. Саранск, РМ)), ситуативные (*Перед чаем и барыня пила* (зап. от В. И. Евстифеевой, 1963 г. р.; г. Саранск, РМ), *Суворов говорил: «После бани последние портки продай, но выпей»* (зап. от К. В. Свечникова, 1966 г. р.; г. Саранск, РМ), *Что-то стало холодать – не пора ли нам поддать!* (зап. от Н. В. Рябова, 1959 г. р.; г. Саранск, РМ)), вариативные, необязательные, исполняемые по желанию (*Как говорится, запивай и запевай* (зап. от В. И. Евстифеевой, 1963 г. р.; г. Саранск, РМ), *Дай бог, не последняя* (зап. от Е. А. Чемодиной, 1970 г. р.; г. Саранск, РМ), *Жизнь прекрасна и удивительна, если выпить предварительно* (зап. от Н. Е. Нехаевой, 1972 г. р.; г. Саранск, РМ)), оправдательные (применяются для оправдания употребляющего одновременно разнородные спиртные напитки либо чрезмерно выпивающего участника застолья) (*Пиво без водки – деньги на ветер* (зап. от Н. В. Рябова, 1959 г. р.; г. Саранск, РМ), *Мужик не кактус, ему пить надо!* (зап. от Э. Н. Акимовой, 1964 г. р.; г. Саранск, РМ), *Быстро выпитый стакан не считается налитым* (зап. от А. А. Смагина, 1986 г. р.; г. Саранск, РМ)) (МФА ЛФ).

Адресуются приговорки и пассивным участникам застолья, пытающимся уклониться от возлияния. В текстах этой группы вред от воздействия спиртного на организм нивелируется, а польза, соответственно, гиперболизируется. Правда, количество выпитого может регламентироваться требованием соблюдения нормы: *В меру выпитая водка хороша в любых количествах* (зап. от Е. А. Чемодиной, 1970 г. р.; г. Саранск, РМ), *Алкоголь в небольших дозах безвреден в любых количествах!* (зап. от К. В. Свечникова, 1966 г. р.; г. Саранск, РМ), *Много пить вредно, а мало – скучно* (зап. от И. Д. Яськиной, 1985 г. р.; п. Октябрьский, Ардатовский район, РМ). Приговорки призывают также осушать свои бокалы до конца, поскольку недопитый напиток и недоеденное угощение воспринимаются хозяином как обида: *А ну все до дна, не оставляйте зла!* (зап. от В. Г. Акимовой, 1970 г. р.; с. Большие Ремезенки, Чамзинский район, РМ), *Пьем по полной, мы не Половинкины* (зап. от Н. Е. Нехаевой, 1972 г. р.; г. Саранск, РМ) (МФА ЛФ).

На самом деле, в основе такого понимания лежит забытое в наши дни суеверие о том, что каждому из людей (в данном случае из гостей) определена своя участь, а «выделенная часть ритуальной пищи символически отождествлялась с „долей”, а следовательно, со здоровьем и силой», и если остатки «оставить без присмотра на столе», то «они попадают во власть нечисти, которая отбирает у человека здоровье и силу» [12, с. 26]. Именно поэтому считается, что недопитая за определенный тост рюмка станет причиной его исполнения лишь наполовину либо вообще не принесет уклоняющемуся от винопития гостю желаемой всем благодати: *За здоровье обязательно до дна!* (зап. от В. Г. Акимовой, 1970 г. р.; с. Большие Ремезенки, Чамзинский район, РМ), *Чтобы жизнь была полна, допиваем все до дна!* (зап. от Н. Е. Нехаевой, 1972 г. р.; г. Саранск, РМ) (МФА ЛФ).

Приговорка может содержать в себе элементы заговора-молитвы, не теряя, а наоборот, усиливая тем самым юмористическую окраску: *Не прими, Господи, за алкоголь, а прими за лекарство, Не пьянства ради – здоровья для* (зап. от Л. Г. Горбуновой, 1963 г. р.; г. Саранск, РМ), *Дай Бог – не по последней! А если по последней – то не дай Бог!* (зап. от Э. Н. Акимовой, 1964 г. р.; г. Саранск, РМ) (МФА ЛФ).

Резюме. В заключение отметим, что, несмотря на то что сакральная составляющая многих обрядов и ритуалов в современной культуре утрачена, особая роль праздничной трапезы сохраняется и в наше время. Застолье продолжает оставаться неизменной составляющей любого значительного события в жизни: за столом принято не только праздновать крестины или свадьбы, поминать усопших, но и отмечать все события, представляющиеся важными. Устойчивость архаических форм традиционного застолья свидетельствует об их актуальности и для современной культуры в ситуации стремительной смены стилей жизни. Традиционные формы застолья помогают человеку сохранить константы своего бытия. Застолье остается эффективным способом преодоления социального и культурного отчуждения и средством сохранения единства членов общности, садящихся за пиршественный стол. Это обстоятельство выступает основополагающим для дальнейшего развития жанра застольных приговорок, придающих застолью особую уютную и добродушную атмосферу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белоусов А. Ф., Головин В. В., Кулешов Е. В., Лурье М. Л. Детский фольклор: итоги и перспективы изучения // Сборник докладов Первого Всероссийского конгресса фольклористов. Т. 1. – М., 2005. – С. 215–243.
2. Биктагирова Г. Ф. Междисциплинарный анализ понятия «традиция» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=31582>.
3. *Былины*. – М. : Современник, 1986. – 559 с.
4. *Былины* : русский героический эпос. – Л. : Сов. писатель, 1938. – 576 с.
5. Глушкова Т. С. Стереотипы винопития в русском фольклоре // Коммуникативные исследования. – 2015. – № 3(5). – С. 149–156.
6. Даль В. И. Пословицы русского народа : в 2 т. Т. 2. – М. : Худож. лит-ра, 1989. – 447 с.
7. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. – М. : Олма-Пресс, 2003.
8. Емельянов А. С. Поэтика белорусской народной родинной песни (композиция, звукопись, рифма) : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.09. – Минск, 1985. – 200 с.
9. Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. – М. : Языки славянской культуры, 2012. – 693 с.
10. Зуева Т. В., Кирдан Б. П. Русский фольклор : учебник для высших учебных заведений. – М. : Флинта: Наука, 2002. – 400 с.
11. *Исторические песни*. Баллады. – М. : Современник, 1991. – 622 с.
12. Морозов И. А. Структура и семантика традиционного застолья : обычаи, верования, магия, связанные с его началом и завершением // Традиционная культура. – 2002. – № 2. – С. 18–31.
13. *Народные русские сказки* А. Н. Афанасьева : в 3 т. – М. : Наука, 1984–1985.
14. *Повесть временных лет*. – СПб. : Вита Нова, 2012. – 512 с.
15. Юнаковская А. А. Разговорная речь носителей массовой городской культуры (на материале г. Омска) : хрестоматия. – М. : Языки славянских культур, 2007. – 168 с.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

МФА ЛФ – материалы фольклорного архива лаборатории фольклора Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева

Статья поступила в редакцию 25.07.2019

REFERENCES

1. *Belousov A. F., Golovin V. V., Kuleshov E. V., Lur'e M. L.* Detskij fol'klor: itogi i perspektivy izucheniya // Sbornik dokladov Pervogo Vserossijskogo kongressa fol'kloristov. T. 1. – М., 2005. – С. 215–243.
2. *Biktagirova G. F.* Mezhdisciplinarnyj analiz ponyatiya «tradiciya» [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa : <http://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=31582>.
3. *Byliny*. – М. : Sovremennik, 1986. – 559 s.
4. *Byliny : russkij geroicheskij epos*. – L. : Sov. pisatel', 1938. – 576 s.
5. *Glushkova T. S.* Stereotipy vinopitiya v russkom fol'klоре // Kommunikativnye issledovaniya. – 2015. – № 3(5). – С. 149–156.
6. *Dal' V. I.* Posloviцы russkogo naroda : v 2 t. T. 2. – М. : Hudozh. lit-ra, 1989. – 447 s.
7. *Dal' V. I.* Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka : v 4 t. – М. : Olma-Press, 2003.
8. *Emel'yanov A. S.* Poetika belorusskoj narodnoj rodinnoj pesni (kompoziciya, zvukopis', rifma) : dis. ... kand. filol. nauk : 10.01.09. – Minsk, 1985. – 200 s.
9. *Zaliznyak A. A., Levontina I. B., Shmelev A. D.* Konstanty i peremennye russkoj yazykovoj kartiny mira. – М. : Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2012. – 693 s.
10. *Zueva T. V., Kirdan B. P.* Russkij fol'klор : uchebnik dlya vysshih uchebnyh zavedenij. – М. : Flinta: Nauka, 2002. – 400 s.
11. *Istoricheskie pesni. Ballady*. – М. : Sovremennik, 1991. – 622 s.
12. *Morozov I. A.* Struktura i semantika tradicionnogo zastol'ya : obychai, verovaniya, magiya, svyazannye s ego nachalom i zaversheniem // Tradicionnaya kul'tura. – 2002. – № 2. – С. 18–31.
13. *Narodnye russkie skazki A. N. Afanas'eva* : v 3 t. – М. : Nauka, 1984–1985.
14. *Povest' vremennyh let*. – SPb. : Vita Nova, 2012. – 512 s.
15. *Yunakovskaya A. A.* Razgovornaya rech' nositelej massovoj gorodskoj kul'tury (na materiale g. Omska) : hrestomatiya. – М. : Yazyki slavyanskih kul'tur, 2007. – 168 s.

ISTOCHNIKI I MATERIALY

MFA LF – materialy fol'klornogo arhiva laboratorii fol'klora Nacional'nogo issledovatel'skogo Mordovskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. P. Ogareva

The article was contributed on July 25, 2019

Сведения об авторе

Тростина Марина Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, г. Саранск, Россия; e-mail: trostina@mail.ru

Author information

Trostina, Marina Aleksandrovna – Candidate of of Philology, Associate Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia; e-mail: trostina@mail.ru